В Государственном архиве Воронежской области есть специальный фонд, посвященный жизни и творчеству замечательного писателя-фронтовика, лауреата Государственной премии РСФСР, Почетного гражданина города Воронежа Юрия Даниловича Гончарова (1923–2013). Среди материалов — рукописи, фотографии, документы и, конечно же, письма. Их много. Авторами некоторых являются известные советские писатели — В. Каверин, К. Симонов, В. Быков, В. Астафьев, Г. Бакланов, К. Воробьев, Ю. Бондарев, Е. Носов, А. Битов... Еще больше корреспонденций от воронежских собратьев по перу и начинающих авторов. Но есть и особо ценные послания, которые были собраны Юрием Даниловичем в отдельную папку.

У этих писем — своя история. Фронтовая.

БОЙ, КОТОРЫЙ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Но прежде чем рассказать ее, необходимо упомянуть об одной особенности творческого стиля писателя Юрия Гончарова. Фронт многое определил в его жизни, поэтому для героев его военной прозы пространство войны никогда не

было отвлеченным и умозрительным. Абсолютная конкретность сражения воспринималась ими как ошеломляющий факт жизни, подчинивший себе все, что они до того момента любили, знали, желали. Их пространство войны лежало прямо перед глазами, и это была жестокая правда их жизни. Реальное пространство страдания и боли, где они проливают кровь.

При этом, в отличие от героев большинства авторов своего поколения, писавших о войне, герои военной прозы Ю. Гончарова почти всегда возвращаются со своего поля сражения (первый рассказ писателя, опубликованный еще в 1946 году, так и назывался «Возвращение»). Они получают лишь ранение — памятку-отметину на всю последующую жизнь.

Как правило, это ранение — в ногу.

К примеру, в рассказе «Война» (1958) читаем: «На окраине деревушки — он так и не вспомнил потом названия, где-то в Галиции, уже за старой государственной границей, — он лежал с простреленными ногами в пыльных лопухах на меже огорода».

В рассказе «В ожидании телеграммы» (1992) встречаем такие строки: *«Приговор госпитальной комиссии был кратким и категоричным: к дальнейшей службе в армии не гожусь.*

— Зато нога при тебе, — утешил меня возглавлявший комиссию главный госпитальный хирург. — Два сквозных пулевых ранения — коленного сустава и стопы, в окопной грязи, с клочьями сапожной кожи, портяночной ткани в ранах, — это почти всегда гангрена. А гангрена, ты это в госпитале повидал, как правило — ампутация. А у тебя обошлось. Хоть и хром, а все не полпуда железа и дерева вместо своей ноги...»

А вот диалог из знаменитой повести «Целую ваши руки» (1979), отмеченной в свое время Госпремией:

«— Ты был ранен? Опасно? — спросила Александра Алексеевна, оглядывая мою шинель, кирзовые сапоги, палку в моей руке.

— Пустяки! — сказал я. Пуля из немецкого автомата раздробила у меня ступню, она почти не сгибается и не будет сгибаться, но это в самом деле можно считать пустяком в сравнении с тем, что видел я на фронте и в госпитале. Нога все-таки при мне, своя. Натрудишь — отекает, по ночам ноет, но ходить можно. Из армии, однако, комиссовали по чистой: такие и в нестроевых не нужны...»

Подобные примеры можно приводить еще и еще. Они не случайны.

В своем творчестве Юрий Гончаров никогда не обращался к чужому для себя материалу, к проблемам, о которых имел самые приблизительные представления, к публицистическим рассуждениям обезличенного свойства. Вот и ранение в ногу, которое часто настигает его героев в разгар боя, — это тоже личный опыт писателя...

В 1980 году, в канун праздника 35-летия Победы, редакция газеты «Советская Россия» обратилась к группе известных писателей-фронтовиков с просьбой ответить на несколько вопросов, связанных с их военным прошлым.

На тот призыв Юрий Данилович откликнулся сразу. 1 мая 1980 года редакция опубликовала его ответы. На вопрос о «самом памятном бое, который стал в его творчестве и литературным фактом» воронежский прозаик ответил так:

«Я участвовал в тяжком, кровопролитном, тянувшемся несколько недель сражении на Курской дуге с того момента, как дивизии 53-й армии генерала Манагарова[1], стоявшие в резерве, в том числе и 214-я, в которой я был рядовым пехотинцем, были введены в действие и, проламывая оборону врага, стали обходить с запада немецко-фашистские части, державшие Харьков. Для меня это сражение кончилось второго сентября на скошенном поле после взятия деревни Старый Мерчик и многократных попыток перерезать шоссейную дорогу Харьков—Полтава. Я был ранен в тридцати шагах от немецкого пулемета, полузасыпанного дымящимися гильзами. Пулеметчик

стрелял остервенело, безостановочно, и спасло меня только то, что, падая, я угодил в глубокий след танковой гусеницы. Бой, в котором ты ранен, пуля, которая тебя пронизала, — это не забывается никогда».

В ту пору многие фронтовики еще были живы, поэтому ответы Ю. Гончарова на анкету «Советской России» вызвали немало откликов, общий смысл которых выразил в своем письме ветеран того же полка одессит Борис Иванович Штепа: «Дорогой Юрий Данилович!!! Думаю, не ошибусь, что тот день, когда я вычитал в газете фамилию однополчанина, для меня останется в памяти навсегда».

Но особо важным для писателя оказался отклик, который пришел из Армавира.

«Дорогой друг, товарищ и даже тезка мой Юрий! — начиналось то письмо. — *Сразу же по прочтению первомайского номера „Советской России" сел Вам писать, не зная даже адреса.*

Что меня поразило — общность мыслей, судьбы и, самое главное, места действия. Это как чудо! Я тоже был в боях на Курской дуге, и был в том бою за Старым Мерчиком, когда мы пытались перерезать шоссе Харьков—Полтава около г. Валки, где оно отходит от железной дороги. Только я был командиром танка Т-34 во 2-м танковой батальоне 24-й гвардейской танковой бригады в 5-й танковой ротмистровской[2] армии. И тоже именно 2 сентября на рассвете ранением в горящем танке на том же скошенном поле за Старым Мерчиком кончилось и для меня это сражение (к счастью, только это, а не бои на фронтах войны). Возможно, в глубокий след гусеницы именно моего танка упали Вы в том бою...»

Автором этого письма был ветеран войны подполковник Юрий Максович Поляновский. Помимо всего прочего, он оказался еще и сыном писателя Макса Поляновского — соавтора Льва Кассиля по книге «Улица младшего сына», популярнейшей в 1950–1960-е годы повести о жизни и смерти юного партизана Володи Дубинина.

Так, спустя три с половиной десятилетия, неожиданно нашли друг друга два участника одного боя, имевшего для них судьбоносное значение.

ЕГО КОЛЕЯ

В 1977 году в Воронеже вышла очередная книга Ю. Гончарова, названная писателем «Поле сражения». Примечательно, что конкретного произведения с таким заглавием у Юрия Даниловича нет. Это была общая формула его творчества, ключ к характерам гончаровских героев.

Поле сражения в прозе писателя — физически осязаемая территория, воспринимаемая автором как одна из важнейших характеристик войны. Оно статично и неизменно — это его поле сражения, и неважно, стреляют там сейчас или мирно шелестят травы. Потому что на этом поле всегда решается судьба конкретного человека, которая может в мгновение оборваться.

Когда-то пехотинцу Юрию Гончарову и танкисту Юрию Поляновскому повезло: судьба уберегла их на поле сражения, и теперь ветераны взахлеб рассказывали друг другу, как это получилось.

Ю.Д. Гончаров — Ю.М. Поляновскому:

«...Ночь на второе сентября началась с того, что, как всегда, юрко бегали и ползали связисты, проверяли и чинили провода. Привезли еду, разлили из ведер по котелкам. Раздавали патроны в бумажных пачках по 15 штук, гранаты с запалом Ковешникова[3], но без ручек. Потом, в густой темноте, должно быть, уже в час ночи, нас собрали в кучку на склоне лога, и подполковник, замполит командира полка, объяснял нам задачу на следующий день: с рассветом будет артудар по позициям немцев и после него все должны подняться в атаку. Во что бы то ни стало немцев надо столкнуть, впереди в километре-двух шоссе из Харькова на Полтаву, по нему выхо-

дят немцы из Харькова, вывозят свои склады, госпитали, технику. Бояться не надо, артналет будет мощным, подавит все пулеметы, ошеломит немцев. Надо только разом, дружно встать и броситься вперед...

Оставшуюся часть ночи мы использовали для того, чтобы ближе подползти к немцам и окопаться. Чтоб утром при атаке меньше бежать под их пулями и скорее достичь их окопов. Немцы бросали бело-зеленые ракеты, постреливали наудачу из пулеметов, низко, по самой стерне, но все же мы придвинулись к ним, отползли от края лога метров на 150–200. Казалось, что их позиции совсем рядом, так отчетливо слышалось, как они переговариваются между собой, как звякают ложки о котелки, коробки с пулеметными лентами, как лязгают рукоятки винтовочных затворов и пулеметные замки, когда они заряжают свое оружие. Чувство было томительное, ждущее. Я лежал в ячейке, вытянувшись в рост, земля была теплой и слегка влажноватой, как-то мирно и сладко пахла. В глубине немецких позиций время от времени тарахтели мотоциклетные, автомобильные моторы, кажется, раз или два слышался рокот танков...»

Ю.М. Поляновский — Ю.Д. Гончарову:

«Три наших танка оказались на участке фронта стрелкового полка, и наш старший группы — командир роты ст. лейтенант Протасов — был приглашен в блиндаж командира этого полка. Вскоре туда позвали и нас — командиров танков. Помнится, командир полка был с черной бородой и фамилия что-то вроде Фиалковский. Нам объяснили обстановку. Полк был нацелен на наступление. В первую очередь надо было, преодолев поле (скошенное, по-моему), овладеть каким-то хутором. Но оттуда, против наступавших еще днем, выдвигались мощные танки и вели по открытому полю ураганный огонь из пушек и пулеметов. Личный состав полка был в основном из призванных в только что освобожденных районах людей, не обученных и плохо экипированных. Танков на участке не было. Была приданная полковая артиллерия, но для ее прицельной стрельбы не было данных.

В принципе, мы не были приданы этому полку и могли уйти в бригаду, но командование полка просило нас принять участие в бою. Говорили: „Оставайтесь, мы вам спирта, водки подкинем". Мы согласились.

Решили сделать так: утром на рассвете, когда плохо видно, наши три танка пойдут на немцев, они по нам откроют огонь, в штабе полка засекут их и накроют артиллерией. По-военному это называлось — боевой разведдозор (БРД). Фактически смертники — на убой, но это была наша законная фронтовая работа, а за спиной у нас были уже прохоровские[4] танковые бои, и мы думали о том лишь, как лучше вести этот БРД.

Совместные решения были приняты на рассвете, когда начиналось раннее теплое утро. Мы попрощались друг с другом, наметили курс каждому танку и пошли в атаку...»

Ю.Д. Гончаров — Ю.М. Поляновскому:

«В три начало светать. Со стороны Старого Мерчика стали бить наши пушки, а из оврага за логом — минометы. Но — жидко, вразброд, мощного, массированного огня не получилось... Минут через пять стрельба прекратилась, и, помню, у меня и у всех, кто должен был участвовать в атаке, было недоуменное чувство и разочарование: и это — все? Связной командира роты, мальчишка лет 17-ти, кричал сзади: вперед! вперед! Но никто не поднимался, всем мешало недоумение, страх попасть под свои разрывы, если артудар продолжится, хотелось что-то узнать, какой-то ясности, и все собирались с духом. В это время, упреждая атаку, немцы открыли сильнейший огонь из тяжелых минометов. Против нашего взвода стреляли шестиствольные. Их грохот оглушал, видно, они стояли очень близко, мины взвывали, уносясь ввысь, а оттуда с истошным

визгом и скрежетом рушились на нас. Разрывы были такой силы, что земля подо мной вибрировала, края ячейки сжимались и выталкивали меня наружу. Взрывной волной смело бруствер, который я насыпал, шинельную скатку и несколько гранат. Винтовку при начале обстрела я догадался втянуть в ячейку, а то бы и ее унесло, и я остался бы безоружным. Мощно, плотно промолотив центр наших позиций, немцы перенесли огонь на фланги. Пулеметы их частили безостановочно, из разных точек, трассы расходились над полем веерами, скрещивались. Над землей еще не совсем рассвело, солнце еще не выглянуло, к предрассветной мгле добавлялся черный дым от разрывов, пыль, и мелькание белых фосфорических светлячков по следу пуль над самой стерней было отчетливо видно. В нашей цепи появился сам командир роты, на корточках, с двумя саперными лопатками, одна за поясным ремнем для защиты живота, другая в руке перед грудью и лицом, стал кричать то же, что до этого кричал его связной: вперед! вперед! Увидел убитых, разорванных минами. „Они же пристрелялись, вас же всех здесь перебьют, вперед!"...»

Ю.М. Поляновский — Ю.Д. Гончарову:

«Мой танк уже прошел половину пути по полю, когда я увидел в прицел длинный ствол танковой пушки. Это был „Тигр" или „Фердинанд" с 88-мм пушкой. Я выстрелил сначала уже заряженным осколочным, а потом бронебойным снарядом. Но следом страшной силы удар потряс мою машину, и вместе с ударом в голову я потерял сознание.

Когда пришел в себя, то, задыхаясь от дыма, понял, что лежу на полу на боеукладке на промасленном коврике, который уже загорелся от пламени в моторном отделении, и горят на мне брюки и рубашка, отчего я, видимо, и очнулся. Хотел опереться на левую руку, но не смог — в ней сидел осколок, из головы шла кровь и с макушки клочьями висела кожа с волосами. Глаза заливала кровь со лба, вспоротого осколочками. Рядом лежал заряжающий с размозженной головой. Механика и радиста не было.

Превозмогая боль, дополз до открытого переднего люка механика-водителя и вывалился из танка, упав на труп радиста, которого, очевидно, застрелили, как только он вылез из люка. По мне уже не стреляли, так как танк горел. Помня, что как только огонь дойдет до снарядов и они взорвутся, с танка полетит вокруг все, в том числе и башня (кстати, те, кто видел на поле боя наши танки с сорванной башней, обычно ошибочно думают, что их сорвало попадание тяжелого снаряда, в то время, как их обычно срывает взрыв своих боеприпасов), я постарался отползти от него как можно дальше и, к счастью (как и Вы), попал в не очень глубокую воронку. Вновь теряя сознание, услышал, как взорвались снаряды.

Меня нашли и эвакуировали только, когда наша пехота пошла в атаку...»

Ю.Д. Гончаров — Ю.М. Поляновскому:

«...Надо было подниматься. Ребята стали бросать вперед гранаты, чтобы прикрыть себя разрывами. Кто-то поднялся справа от меня, перебежал и упал впласт. На сердце было жутко. У меня уже был достаточный опыт пехотинца, я понимал, попытка наша бессмысленна, глупа, выйдет один убой — и больше ничего. Понимал это, конечно, и командир роты, но над ним был приказ и он должен был его выполнять. Помню, я ждал, что буду сразу же убит, едва поднимусь из ячейки, и приготовился к этому, вставал, уже мысленно и всеми своими чувствами простившись с жизнью. Но приподнялся, пробежал вперед шагов двенадцать, бросился на землю — и сам удивился: не зацепило. Но после окопчика чувство было полной беззащитности, такое, будто я лежу на поверхности поля весь голый и видный всем немцам. Немец-пулеметчик заметил меня и несколько секунд пули его брили стерню совсем рядом со мной и скользили над самым затылком. В ленте его

Студент Лесного института
Юрий Гончаров — боец Воронежского истребительного батальона. *1941 год*

были бронебойные, зажигательные, трассирующие, разрывные и обычные пули. Разрывные рвались с треском от соприкосновения с соломинами и былками травы. Но из стерни вставали, появлялись перед пулеметчиком другие наши солдаты, немцу приходилось все время поспешно ворочать стволом своего пулемета, переносить огонь на другие цели. Я бросил еще одну гранату, последнюю, вслед за разрывом вскочил, кинулся вперед, и тут, с высоты роста, впервые на миг увидел немца за пулеметом, его белое лицо, шалые глаза. Ему тоже было страшно. Он косил по стерне, не успел поднять ствол выше, и поэтому пуля ударила меня в низ ноги, в левую ступню. Был только очень сильный удар, мгновенное онемение всей ноги — и никакой боли. В первый миг я даже не понял, что это пуля, — точно споткнулся обо что-то...»

Бой у Старого Мерчика разделил жизнь писателя на «до» и «после», став не только фактом его биографии, но и важным для его творчества символом. Тем самым полем сражения, что в повестях и рассказах Ю. Гончарова почти всегда заменяет беспощадность рока. Детали пейзажа и даже библейская обреченность людей, идущих по этому полю на смерть — не дают точности в описании внутренней напряженности этого пространства. Потому что дорога через поле сражения — это всегда дорога боли и потерь, крови и пота. А еще — путь к жизни и свободе.

Молодой двадцатилетний парень Костя из рассказа Юрия Гончарова «День рождения» (1966) воюет в пехоте. Он прошел почти всю войну, не раз был ранен и вот почти уже перед самой Победой, в день своего рождения, он получает в бою еще одно ранение. Последнее.

О том, что сам писатель пережил-прочувствовал на поле боя под Старым Мерчиком можно понять по следующим строчкам этого рассказа:

«Его левая нога глухо ныла и была как деревянная. В последней перебежке, уже падая на землю, в колкую щетку стерни, он почувствовал сильный, тупой удар по ноге и сейчас, лежа, гадал, чем его так сильно ударило — комком земли, осколком? Почему по всей ноге такая ломота, такое онемение? Чтобы выяснить это, надо было сесть или повернуться на бок, подтянуть ногу, а ни того, ни другого сделать было нельзя — можно было только лежать, не подымаясь над стерней, вжавшись, вдавившись в пашню...

Самое трудное под таким огнем — решиться и начать двигаться. К неподвижности возникает быстрая привычка, инстинкт и сознание связывают с нею то, что пули проходят мимо, она начинает казаться единственным условием спасения. Очень часто это действительно так. Но тут, на этом поле, где шел уже просто безжалостный убой, в неподвижности была только обреченность...»

Герой рассказа «День рождения» выжил, скатившись в гусеничный след, ос-

тавленный на скошенном поле одним из трех участвовавших в бою танков. По мысли автора, в день своего рождения Костя как бы родился заново для той новой жизни, что ждала его после войны...

В 2005 году журналист Артем Драбкин выпустил первое издание книги-интервью «Я дрался на Т-34», куда включил несколько бесед с ветеранами-танкистами. Одним из них был уже известный нам Юрий Максович Поляновский. Рассказывая о фронтовых буднях, ветеран не забыл упомянуть и воронежского друга:

«В Воронеже есть писатель Юрий Гончаров. В 80-м году в газете „Советская Россия" накануне Дня Победы задавали вопросы. Спрашивали, с кем из друзей переписываетесь и так далее. Гончаров сказал, что ни с кем из друзей он не переписывается, потому что всех их потерял. Он был ранен 2 сентября 1943 года в селе Старый Мерчик, под Харьковом. И меня там ранило! Я написал Гончарову. Потом ехал через Воронеж, мы встретились. Он был пехотинец. Спасся только потому, что оказался в танковой колее, в грязи. А нас там только три танка было, так что может быть в моей колее он и лежал... Потом мы с ним попали в один госпиталь».

ТА САМАЯ ДЕВУШКА

Если поле сражения предполагает эпос, то госпиталь — исповедальную лирику. Потому что военный госпиталь — это всегда история о девушке, неожиданно возникающей среди мужской схватки и спасающей обреченного на гибель воина. Таких девушек-спасительниц на Руси исстари называли сестрами милосердия, но на той войне милосердие себя исчерпало, и девушек стали именовать просто — медсестрами.

Одна из них упоминается у Юрия Гончарова в том же рассказе «День рождения»:

«Ватным тампоном, смоченным в чем-то желтом, девушка-медсестра, опустившись перед Костей на корточки, промыла отверстия ран. Кровь из них текла, но уже слабо, а от жидкости остановилась совсем.

— Жжет? — спросила девушка участливо, взмахивая ресницами и как бы озаряя Костю коротким, почти мгновенным взглядом крупных, светло-серых, с зеленцою глаз.

Костя кивнул. На него нашла какая-то затрудненность, которая мешала ему сказать девушке хотя бы слово. Ему мучительно хотелось, чтобы процедуры поскорее кончились, чтобы девушка отошла, перестала им заниматься, смотреть на него. Он вдруг устыдился своей обнаженной ноги, того, что она некрасиво-тонка, покрыта волосами, а пальцы грязны, пахнут потом, портянкой. Сколько же он не мылся, не снимал ботинок, не разматывал обмоток!.. А девушка была мила, у нее были такие чистые руки с удлиненными, в едва уловимой просини тонких вен пальцами, такая прелестная матово-смуглая кожа лица, которое он с непонятным спазмом в сердце видел от себя совсем близко, такие удивительные своей воздушностью, в шелковистом лоске пряди волос из-под зеленой беретки со звездочкой... Девушку нельзя было назвать красивой — слишком крупные губы, крупный нос, но в ней была прелесть юности, женственности, которые с избытком возмещали внешние недостатки. Халатик на ней распахнулся, темно-зеленая юбка туго натянулась на бедрах, обнажив голени голых, без чулок, ног — гладкие, глянцевитые, слегка загорелые, в светлом пушке...

Руки девушки, влажный теплый блеск ее глаз, то живое, что смотрело из них на Костю, как бы соприкасаясь, невидимо для окружающих вступая в волнующее соединение с тем, что жило, вибрировало, волновалось в его душе, ее промытые, шелковистые волосы, ее колени с угадывавшимися под халатом линиями бедер, ног, узкой талии — все это было для Кости как какое-то чудо, опять как что-то такое, о существовании чего он когда-то знал, но почти полностью забыл, как одно из явлений того мира, что долго оставался для него где-

Медсестра Клава Якушина, в замужестве — Клавдия Ивановна Липовцева. *Май 1945 года*

то позади и вот опять был ему открыт, распахнут и встречал его, сделавшись во сто крат прекрасней, притягательней, новее и драгоценней каждой своей мелочью»...

Развития эта линия в рассказе не получила: там девушка-медсестра лишь мелькнула, став символом возвращения притягательного мира. Но вот спустя годы эта история получила неожиданное развитие. И причина этому — все то же выступление писателя в газете.

К.И. Липовцева — Ю.Д. Гончарову:

«Дорогой Юрий Гончаров!

В газете „Советская Россия" за 1 мая я прочитала Вашу анкету писателя-фронтовика. Я тоже из 53-й армии Манагарова (позже он командовал нами на Забайкальском фронте и наша армия 53-я участвовала в освобождении Порт-Артура), из армейского госпиталя ГЛР[5] № 2919, старшая операционная сестра и очень обрадовалась, что „встретила земляка"...

Вам повезло, Вы после войны окончили институт[6]. Я до войны кончила мед. техникум и 3 курса Смоленского мединститута, добровольно пошла на фронт. Вернувшись из Китая в январе 1946-го, пошла на 3-й курс 3-го Московского мединститута. Пришлось повторить материал за 3-й курс, т.к. это был февраль, а на 4-й курс пошла в сентябре 1946 г., но по состоянию здоровья не могла учиться. Так и прошла жизнь недоучем, правда, меня все утешали, что я грамотный фельдшер, а мне до сих пор снится, что я поступаю в институт уже вместе с дочками, и во сне же себя спрашивая: зачем же мне кончать институт, когда я уже на пенсии?

Наверное, надоела Вам со своим излиянием, но так обрадовалась, когда прочитала Вашу статью: я из 53-й армии, и муж мой из 214-й дивизии...

На ответ — наверное, не надеяться?..»

Ю.Д. Гончаров — К.И. Липовцевой:

«Дорогая Клавдия Ивановна!

И как это Вы могли закончить свое письмо такой фразой: на ответ, наверное, надеяться не надо!

Вы представить себе не можете, в какое волнение привело меня Ваше письмо! Ведь это не просто письмо читательницы и человека, одного из тех, кто составлял когда-то 53-ю армию, это ведь еще и как бы живой голос оттуда, из далекого-предалекого уже времени, из огненного лета 43 года! Значит, Вы были операционной сестрой в госпитале № 2919? Я сразу кинулся искать свои госпитальные бумажки. У меня их две: „Свидетельство о болезни" и „Справка о ранении". Пожелтевшие, полуистлевшие, истершиеся на сгибах, с мочальными краями, но — сохранились. Развернул я их — именно так: эвакогоспиталь № 2919...

Госпиталь, в котором я был на излечении, находился в Дергачах, севернее Харькова, в километре-полуторах от станции, в большом, кажется, четырехэтажном здании и окружающих его постройках. Вокруг здания были сосновые лески, метрах в двухстах к западу текла узкая речонка, кажется, называвшаяся Казачья Лопань. Помню разговоры, что в здании этом до войны поме-

щался какой-то харьковский институт, вроде бы зооветеринарный. Немцы оставили внутри здания на дверях свои надписи и наклеенные картинки; при них, кажется, в здании был тоже госпиталь. Я лежал в просторной светлой комнате на 3-м этаже, кроватей не было, просто вдоль стен была настлана солома, накрыта одеялами, и на этих одеялах, положив головы на свои вещевые мешки, у кого они сохранились, не снимая верхней одежды, грязных, разрезанных при перевязках, испачканных засохшей кровью гимнастерок, лежали мы, раненые бойцы из разных частей и полков. Я был из 788-го стрелкового полка, как Вы уже знаете — 214-й дивизии. Когда надоедало лежать, кто мог и как мог — хромая, ковыляя, прыгая на одной ноге, подпираясь костылями или палками, — выбирались по лестнице вниз, во двор, в сосновые посадки или на берег речушки. Около нее были огороды местных жителей. Овощи уже поспели. Хотя нас в госпитале кормили неплохо, но от скуки и бездеятельности у всех был повышенный аппетит, раненые ломали на огородах кукурузу, пекли на кострах. Около этих костерков, пока поспевала кукуруза, всегда шли интересные солдатские разговоры: кто откуда, как жил прежде, что довелось видеть на фронте, как ранило. Какие истории, какие сюжеты! — на двадцать писательских жизней. Но тогда я ничего не записывал, и большинство слышанного безвозвратно забыто.

В соломе в палатах от скученности заводились блохи и всякое другое зверье. Помню такое веселое событие: однажды по приказу начальства всю солому со всех этажей выбросили в окна, чтобы в палатах сделать дезинфекцию и заменить солому новой. Старую собрали огромными кучами и подожгли. Поскольку в палатах большинство бойцов лежали в одежде, а в карманах у многих были и патроны, и запалы для гранат, и сами гранаты, и патроны для ракетниц, часть этого добра оказалась в соломе. Когда ее подожгли, то началась такая пальба, как будто целый немецкий батальон прорвался к стенам госпиталя, а тех, кто не знал, отчего это, охватила даже паника.

За время лечения в госпитале я был много раз на перевязках, в операционной мне чистили рану, и, конечно, я не один раз должен был Вас видеть. Возможно, что я смогу узнать Вас, если увижу Вашу фотографию тех лет. Сестры и младшие врачи в перевязочной скоро узнали, что я студент первого курса (я был в очках, на передовой тоже был в очках), и относились ко мне, как-то выделяя из других солдат, с особой теплотой. Однажды, это было под вечер, когда садилось солнце, одна из сестер, которую я раньше видел только в перевязочной, встретила меня возле здания; она была свободна от дежурства, не в халате, а в гимнастерке с погонами, пилотке, и мы с ней долго и хорошо разговаривали. Отчетливо помню, что про себя она сказала, что училась в мединституте и с третьего курса пошла в армию. Это могли быть и Вы. Девушка та была старше меня года на два, на три, среднего или чуть выше среднего роста, темноволосая, но не брюнетка, очень миловидная, доброта и сердечность так и струились из ее глаз. На погонах у нее, кажется, была одна звездочка — мл. лейтенант медслужбы. Я рассказал ей про себя, что я из Воронежа, окончил школу, поступал в Лесной институт, но — война, что очень люблю литературу, занимался в литкружке, хотел стать писателем. Девушка, ободряя меня, сказала: вы еще станете и про все про это напишете, что видели... Отчетливо помню такую детальку: в руках у девушки была пачка или две папирос, это она получила какой-то полагающийся ей паек, пачки были не большие, а узкие, по десять штук. Вы — если это были Вы — предложили мне взять папиросу, открыли и протянули пачку, и я тащил из пачки своей рукой. А рука у меня, хотя все мы в госпитале уже не один раз мылись, все еще была „окопной", с глубоко въевшейся грязью, синевой под ногтями, и мне было неловко и стыдно за эту грязь...»

К.И. Липовцева — Ю.Д. Гончарову:

«Да, дорогой брат, это я была та девушка — в госпитале была только одна студентка, и лежали Вы в Дергачах наверняка в нашем отделении, т.к. мы — 3-е отделение — лечили „от пупка и ниже", за что нам доставалось — ноги заживали хуже, чем руки, а нам устанавливали сроки на излечение каждого раненого.

Да! Солома та придерживалась реечками, чтобы не разлеталась... Мы сутками не выходили из операционной и перевязочной, только раз удалось съездить в Харьков в театр, где я спала на „Сильве", благо места были — бельэтаж.

Посылаю Вам фото. Узнали? Похожа на ту девушку?!!»

Ю.Д. Гончаров — К.И. Липовцевой:

«Дорогая Клавдия Ивановна, да, это были Вы, я узнал Вас на фотокарточке! Помню Вашу прическу, на снимке — она такая же. Действительно, все это как из придуманного романа — после стольких лет (и каких!) найти друг друга через газету и письма!.. Жизнь, это давно замечено, сложнее и хитрее любого романа, и зачастую устраивает такие штуки, какие ни одному романисту не придумать... Вообще, предвижу, разговоров у нас будет много».

...Их переписка оборвалась через год. О причинах гадать не буду. Знаю только, что выживать в мирное время фронтовикам, а тем более фронтовичкам было сложно. Как бы ни старались они прижиться в мирной почве, война рано или поздно настигала их. Вот и Клавдия Ивановна Липовцева схоронила мужа, ухаживала за перенесшим тяжелую операцию братом, растила маленького внука, который часто болел, а его родители были загружены работой... Обо всем этом она обстоятельно рассказывала в письмах к своему фронтовому другу, ставшему известным воронежским писателем.

А если выпадали спокойные минуты, спешила сообщить всяческие приятные «секреты».

«О! Если бы Вы знали, что было с Вашими письмом и книгой, — писала она в Воронеж в один из таких моментов. — Нина читала вслух с таким интересом и вместе со мной радовалась Вашему письму. Очень просила после прочтения дать ей и сыну прочитать „Дыхание павших", но я сказала — нет, сходите и возьмите в библиотеке. Ну вот... Назавтра она рассказала на работе, что Клавдии Ивановне пришло такое письмо интересное и книга, и ее бабы послали за моим письмом и книгой, пришлось дать. Ну и был комментарий очень интересный — а у них в отделе почти одни женщины: бумажная фабрика — и все решили, что Вы тогда были в меня влюблены... Ну, как же и рук-то своих стеснялся „окопных", и все запомнил — какая я была и т.д. и подпись в письме „Ваш Ю. Гончаров". Мне прямо нравится их непосредственность, простота и т.д. Говорю Нине, что так пишут, что он очень рад, что через столько лет и живой голос из далекого, страшного прошлого.

В общем, они меня развеселили. Некоторые меня не знают и спрашивали, а как теперь-то я, все симпатичная?»

Но при этом в каждом своем письме Клавдия Ивановна неизменно возвращалась к одной и той же теме — судьбах фронтовиков, ветеранов 53-й армии. Она знала все их адреса, помнила, какие проблемы со здоровьем были у каждого, кто испытывал бытовые трудности. И старалась помочь. Всем.

«Юрий Данилович! Какой же Вы молодец, как же хорошо Вы пишете, будто все это видишь своими глазами... Прочла „Дыхание павших" и не смогла далее читать — плакала... Всех вас, моих фронтовых братьев, я прекрасно помню. И всех вас — люблю...».

Так заканчивалось ее последнее письмо.

Юрий Данилович Гончаров на площади Победы.
Воронеж, 9 мая 1991 года

* * *

«...Он то смотрел на памятник, на цветы, то поворачивался лицом к шоссе, слушал салютующие гудки проходящих машин. И думал о том, что он приедет сюда еще раз... Вот закончится в колхозе уборка, попросит он себе у председателя отпуск... Даша сошьет из холстины мешочек, насыплет он в этот мешочек деревенской земли, на которой вырос, вскормился, жил, работал его отец, которую он пошел защищать в сорок первом году для своих детей, — а теперь на ней живут и внуки, и недолго ждать уже до правнуков, — и привезет он сюда эту горсть, положит землю родной их Васильевки у памятника, где цветы, рядом с землей из других мест и краев России...

Как кладут землю с родины на далекие могилы своих близких, чтоб грела она их мертвые сердца...»

Юрий Гончаров. «Дыхание павших» (1978).

Дмитрий ДЬЯКОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Манагаров Иван Мефодьевич (1898–1981) — генерал-полковник, Герой Советского Союза. С марта по декабрь 1943 года и с марта 1944 года и до декабря 1945 года командовал 53-й армией. В одном из писем Ю.Д. Гончарова есть такие строки: «Фамилию командующего 53-й армией Манагарова я узнал уже после войны, когда отпали многие секреты и в статьях и книгах стали называть номера частей и фамилии командиров. Между прочим, Манагаров живет в Ялте, уже глубокий старик, за 80 лет ему. На набережной есть стенд «Знатные люди Ялты», и в ряду с другими портретами висит и его портрет. Однажды, года три назад, я столкнулся с Манагаровым в аптеке. Он был в штатском, но я его узнал — по портрету. Он купил какие-то сердечные лекарства, вышел и медленно побрел в тени деревьев, опираясь на палочку. А я долго шел сзади, смотрел в его сутулую, старческую спину, на мелкие его шажки и вспоминал, как в августе 43-го наступала под Харьковом его армия, беспрерывно гремел и грохотал фронт, как в черноте коротких ночей полыхали розовые зарева, ширились и двигались всё дальше и дальше в глубь немецкой обороны, и казалось, это не полки и дивизии ведут свое наступление, а огненная вулканическая лава обтекает занятый немцами Харьков с двух сторон... Подойти к Манагарову и заговорить я почему-то не решился: что мог такое я ему сказать, ведь я был просто рядовым солдатом, одним из двух-

сот или трехсот тысяч солдат, крохотной песчинкой в том урагане. Потом пожалел, что не подошел».

[2] По фамилии командующего армией Героя Советского Союза П.А. Ротмистрова (1901–1982).

[3] Советский механический запал, созданный Федором Ковешниковым в 1920-х годах для замены запала образца 1915 года французского производства. Главное назначение — подрыв основного заряда гранаты через 3,5–4,5 секунды после броска.

[4] Речь идет о знаменитом сражении в ходе Курской битвы в районе станции Прохоровка, произошедшем 12 июля 1943 года. Считается крупнейшей танковой битвой в военной истории.

[5] Госпиталь легкораненых.

[6] На вопрос анкеты «Советской России» о том, с чего начались для него мирные дни, Ю.Д. Гончаров ответил: «Через месяц после Победы я, принятый в Воронежский пединститут, вместе с другими студентами, среди которых почти все парни были в таких же, как на мне, фронтовых гимнастерках, выносил кирпичные обломки из обугленных стен нашего институтского здания. Мы сами, студенты с преподавателями, своими силами восстанавливали институт, чтоб было где сесть за учебные столы».